

Сергей Брайко Мои Дальние Мельницы

(200 ЛЕТ РАЙОНУ, НО КТО ЭТО ПОМНИТ...)

Мы даже не задумываемся, какие удивительные зигзаги случаются порой с нами в жизни, абсолютно без нашего ведома. Я бы, например, мог родиться на Пересыпи. Или в центре, на Преображенской.

Вот послушайте! Когда мои бабушка с бабушкой к концу войны вернулись из Фрунзе, (где трудились в эвакуации), в свою квартиру в доме Папудова, их оттуда вышвырнули, в пустующее жильё с удобствами во дворе. Квартиру моих предков военкомат отдал какому-то орденосному офицеру. И ничего, что их сын, мой отец, в то время участвовал в ликвидации бандеровских формирований, попав в них прямоком в Восточного фронта.

Я родился в 1958 году, через десять лет, после того, как папа уволился из рядов Советской Армии. Первые отчётливые впечатления, отложившиеся в детской памяти, — длинные протяжные гудки, которыми будили людей в нашей рабочей окраине... Зимняя тёмная ночь, громкий гудок прямо за окном нашей комнаты и, почти следом, режущий глаза свет включённой лампочки... Так всё детство и юность оказались связанными с удивительным районом Одессы — Дальние Мельницы.

Был ещё вечный гул. К нему тоже все привыкли, как привыкаешь к звуку двигателя на корабле. Это работала через дорогу механическая мельница... Днём и ночью, зимой и летом мельница перемалывала зерно на муку. Периодически был слышен лязг ворот, запускающих и выпускающих подводы и «подтурки» с мешками зерна на территорию предприятия.

Поток слёз из детских глаз так жестоко разбуженного ребенка могли остановить только мамыны губы. Тёплые и влажные, они обцеловывали лицо:

— Серёженька, родненький, просыпайся! В ясельки! Маме и папе надо на работу, Толику, братику, надо в школу.

Родители работали на Джутовой фабрике, там и познакомилась. У обоих это уже был второй брак. Свою старшую сестру по папе я никогда не видел, а вот Толя, мамин первенец, рождённый на Урале, был для меня проводником во взрослую жизнь.

Надо отдать должное советскому образу ведения хозяйства. Возрождая после войны джутовое производство в Одессе, государство одновременно возводило ФЗУ (Фабрично-заводское училище), клуб, поликлинику, жильё для рабочих, детские сады и ясли, транспортную развязку.

— Кому, спрашивается, мешали эти страусы?

— Какие страусы? — спросите вы.

— Одиннадцатого и тридцатого маршрутов — отвечу я вам.

Взять и оставить целый микрорайон без транспорта! (Это крик души моей к нынешним городским властям). Им всё равно, страусам головы крутить (что тоже недопустимо), или лишит пенсионеров выезда в город, на море, на любимый «Привоз».

Скрежет трамвайных колёс, круто разворачивающихся вокруг нашего двора на Фабричной, — ещё одна достопримечательность недавних Мельниц. После слуховых ассоциаций следом вспоминаются обонятельные. Запах керосина долго ещё преследовал меня, даже когда район газифицировали. Наша коммуналка, длинный сквозной коридор, заканчивалась вестибюлем. Комнат, как наша, выходящих в коридор, было 14-16. Возвращаясь с работы, мамочки выносили из комнат примусы и керогазы и начинали делать ужин. Чаёв стоял такой, что из одного конца коридора, другого видно не было. А ещё стоял ужасный запах, смесь котлет, бычков, борща и ещё невесты чего Он пропитывал наш «муравейник» насквозь. Завершалась картина маслом нами, детьми, спящими между примусами на самодкатах и трёхколёсниках.

Прямо напротив конечной остановки трамваев, на Фабрич-

стники, старожилы Мельниц. (Не могу сказать того же о нынешней молодёжи). У нас на всех был один парк с летним кинотеатром и танцплощадкой, одна школа, один клуб с духовым оркестром и десяток улиц, со старыми-новыми названиями.

Ещё про запахи. Начиная с весны, зелёные улочки частного сектора и парк Савицкого благоухали... Ароматы косточковых сменяла сирень, потом её величество акация, жасмин, липа... В своём рассказе «Что для меня Одесса», я писал об акации в нашем окне. Тогда мы уже переехали в Джутковский двор, на Володарского, поближе к парку. Родители получили отдельную двухкомнатную квартиру. Я заезжал туда недавно. Там и сейчас, акация наша цветёт и пахнет. Прямо в комнату Лоры!

Двор этот был интересен тем, что в нём ещё оставались конюшни, хозпостройки и часть дома фабриканта грека Родоканаки. Кое-что люди приспособили под жильё, но конюшни долго использовались по прямому назначению. В этом дворе была большая и красивая голубятня. На Мельницах чуть не в каждом дворе были голубятни, но эта была какая-то особенная, возможно, осталась от хозяина. В этих старинных постройках жили, насколько я помню, две семьи: Коркины и Брынзы. Сейчас там общежитие ПТУ.

О Джутовой фабрике Одессы написано довольно много и подробно. Скажу лишь, что в 1987 году фабрика пышно отметила своё столетие, а уже в столетии нынешнем, её территория стала превращаться в склады. От бывлой красоты и пышности хутора Родоканаки осталась лишь часть грота под улицей Сапожникова, между двумя ставками, и два старинных красавца-дуба во дворе.

Кроме Джутовой фабрики так сказать, районообразующей, на Дальних Мельницах успешно выпускали продукцию: Завод поршневых колец, Углекислотный завод, Пуговичная фабрика, Дрожжевой завод, Макаaronная фабрика, Коньячный завод. Интересно, что свои первые джинсы я купил за деньги, заработанные на «Макаaronке»

Как мой кореш Муса, узнал о двух вакансиях, я не помню, но факт есть факт! На каникулах, после восьмого класса, мы с ним устроились работать на фабрику. Там была такая машина с прорезью. В мою задачу входило запускать в эту прорезь мешок из-под муки и удерживать его в руках. Тем временем, мешок колошматили какие-то палки, прикреплённые к барабану, крутящемуся вокруг своей оси. Вытаскивал я мешок уже чистым, готовым к новому использованию. Работа, скажу я вам, не для пацана. Но стоимость джинсов (на тот момент — сто рублей) для нашей семьи была неподъёмной.

Теперь расскажу одну историю из жизни Коньячного завода. Даже не историю, а байку, ведь подтвердить её правдивость уже некому.

Работал на «Коньячке» один электрик, долго и исправно. В 10-15 метрах от забора предприятия находился электрический колодец, всегда закрытый крышечкой. А там был проложен очень важный кабель. Дважды в день наш электрик посещал данный стратегический объект, минуя турникет строгой проходной, с соблюдением всех мер предосторожности. Пара резиновых сапог, связанных между собой, всегда была перекинута через плечо ответственного рабочего, не говоря уже о перчатках. И долго бы громыхала дважды в день крышка люка, если бы не один дотошный охранник.

Он обратил внимание, что электрик никогда, в отличие от других рабочих, не бывал пьяным. А запах «свежака», меж тем, его не покидал. Устроили проверку. Оказалось, наш «Кулибин» заносил в подземелье ворованный коньяк в резиновых сапогах. Там он сливал его в сваренную ранее ёмкость, а вечером выносил во флягах, прикреплённых к телу.

Кто же были коренные жители Мельниц, те, кого можно назвать «мельничными»? Вот что по этому поводу говорит Википедия: «Небольшой посёлок для мельников и их семей — Дальние Мельницы — с регулярным планом и опрятными домиками появился в 1820-х годах... В районе нынешних улиц Балковской и Заводской возник польский посёлок. В честь основателя, его назвали Дачами Дашкевича».

В 1862-65 гг. вдоль границы с ещё одним хутором — Курсаки — проложили железную дорогу, это навсегда перечеркнуло тихую жизнь Дальних Мельниц. По соседству появились заводы и фабрики, рядом стали селиться батраки и беглецы... Местные, потеряв свой заработок, охотно шли на предпрятия, а сам район принял образ классического рабочего предместья.

Кстати, в таких хуторах, как Дальние или Ближние Мельницы, Слободка, Кривая Балка, молодёжь выбирала спутников жизни преимущественно из местных. И я не исключение. Моя жена тоже родилась на Фабричной!

Из экскурсии в прошлое ясно, что в этом году Одесса может смело отмечать 200-летие одного из своих старейших районов! Уж не знаю, был ли в курсе этого события, или случайно получилось, депутат городского совета Н. как раз в этом году АСФАЛЬТИРУЕТ Дальние Мельницы! Эх, был бы жив мой друг Игорь Витвицкий, он бы, наверное, от радости запил на неделю. Представьте, двести лет жители Литовской, Онежской и других улиц выносили и сбрасывали на проезжую часть жужелицу (отопление ещё до недавнего времени было печное). Вот жильцы и убивали двух зайцев одной пулей: и плакал из дому выносили, и дорогу уплотняли. Отрадно, что теперь некогда убитый, депрессивный район видоизменяется. Ну что ж, будет ещё один зигзаг в истории Дальних Мельниц.

Описывая жизнь Дальних Мельниц, я не мог обойти стороной родную 110 школу в центре района. В таких местах школа — не просто учебное заведение. Это центр культуры, досуга, центр жизни! Одно время, она была женской гимназией, в то время, как 120-я, на Второй Заставе, выполняла роль гимназии мужской.

А какие у нас были учителя! Грант Киракосович Егизарян попал к нам после Ереванского института физической культуры. Уверен, не одно поколение жителей Мельниц считали его лучшим учителем. Он сумел превратить свой предмет в один из ведущих, ввёл факульт-

ативы по игровым видам спорта, даже по футболу. Маленькая пришкольная площадка держала меня после занятий дотемна. Я гонял в футбол целый день, нередко получая за это от родителей «на пироги».

А Марк Григорьевич Дреерман — это тот человек, благодаря которому я стал тем, кем являюсь сегодня. Он научил нас, говорящих на полу-блатном полу-хуторском жаргоне, любить русский язык. И вот теперь, по чьей-то указке, я должен всё забыть и переключиться на другой, который я тоже люблю и уважаю, но, к сожалению, не думаю и не пишу на нём.

Наша школа славится двумя выдающимися людьми, двумя Николаями Авилковыми. В честь старшего, Николая Николаевича, на фасаде школы висит мемориальная доска. Он учился здесь с 1929 по 1939 годы. Погиб в 1943 году на войне, повторив подвиг Николая Гастелло: будучи лётчиком-истребителем, направил свой горящий самолёт на вражеский бомбардировщик. Посмертно награждён Орденом Красного Знамени. Наш класс носил его имя, и нас, учеников, велили на экскурсию в родовой дом Авилковых на улице Володарского (Василя Стуса) 12.

Прекрасно помню Николая Авилова младшего, десятиборца, олимпийского чемпиона Мюнхена. Мы, пацаны, с замиранием сердца следили за каждым шагом в карьере Николая Викторовича, племянника героя войны. Когда рослый, статный спортсмен, со спортивной сумкой с надписью «Adidas» через плечо, появлялся на Мельницах, стайка мальчишек бежала за ним, чтобы хоть как-то причаститься к мировому спорту.

Отец легкоатлета какое-то время был директором одесского «Привоза», а на Мельницах — очень уважаемым человеком. Местные жители шли к нему с бытовыми вопросами, зная, что найдут справедливый ответ. Вот так история одной семьи переплелась с историей одного района в течение одного века.

И сегодня моя родная 110-я школа воспитывает и учит новых учеников. Нынешняя директор школы Лариса Александровна Мазевич рассказала, что теперь у нас обучаются инклюзивные дети, колясочники. А ещё школа взяла на себя обязательства по обучению детей из детского приюта «Святаню», построенного на месте детского сада, в который я водил когда-то сестру Лору. А ещё нынче в школьных журналах много фамилий армянских, арабских, вьетнамских, китайских. Есть даже афроукраинец. У нас такого не было.

— А как у вас с буллингом? — поинтересовался вдруг я.

— А никак! Нет его у нас!

Я ждал такого ответа! Не может иметь место такое отвратительное явление, как буллинг, в моём районе. В моих стареньких зелёных тихих умиротворённых и навсегда любимых Дальних Мельницах!